

v 107
13

81

**ИЗЪ ВОСТОЧНЫХЪ
МОТИВОВЪ.**

В. В. РОЗАНОВЪ.

ПЕТРОГРАДЪ.

МСМХVI.

**ИЗЪ ВОСТОЧНЫХЪ
МОТИВОВЪ.**

В. В. РОЗАНОВЪ.

У 107
13

801-93
9105-7

**ИЗЪ ВОСТОЧНЫХЪ
МОТИВОВЪ.**

«Вып. I»

ПЕТРОГРАДЪ.

1916

Петроградъ. Рыночная, 10.

Петроградъ. Дозволено военной цензурой 20 июля 1916 г.

20-го апрѣля 1916-го года мнѣ исполнилось 60 лѣтъ. И треть вѣка, приблизительно съ 1881-го года, я достаточно потрудился перомъ. „День рожденія“ я рѣшился перевести въ „юбилейный годъ“, и провести его съ моими дороими, съ моими милыми читателями, подѣлившись съ ними тѣмъ, что всего я больше люблю...

А больше всего я люблю египтянъ. Не буду отвергать и не буду порицать: въ день и годъ юбилея надлежитъ быть мирнымъ. Но никогда греки и римляне меня не притягивали, а евреи притягивали лишь временно, — и, какъ я потомъ догадался, они притягивали меня отсвѣтомъ, какой на нихъ упалъ отъ Египта. Корень всего — Египетъ. Онъ далъ человѣчеству первую естественную Религію Отчества, религію Отца міровъ и Матери міровъ... научилъ человѣчество молить, — сообщилъ всѣмъ людямъ тайну „молитвы“, тайну псалма...

Тоже — и чувство Провидѣнія, Судьбы. Тоже — что человѣкъ можетъ впасть въ „грѣхъ“ и тогда будетъ „наказанъ“... Основныя и первыя религіозныя представленія, — фундаментъ религіи, столбы религіи, — сложены были въ Египтъ. О, это гораздо выше пирамидъ, крѣпче пирамидъ, вѣчнѣе пирамидъ. Это не „вѣчные“ — сравненій съ этимъ не можетъ быть — это просто вѣчно.

Нужно мнѣ и всѣмъ людямъ будетъ всегда нужно.

Начала цивилизаціи на самомъ дѣлѣ были положены не греками и не евреями. Авраамъ, первенецъ отъ іудеевъ, пришелъ въ Египетъ, когда онъ уже сіялъ всѣми огнями. Авраамъ лепеталъ, когда Египетъ говорилъ полнымъ голосомъ взрослою мужчиною.

Всѣ народы — дѣти передъ египтянами, а слѣдовательно и вся исторія — египетское дитя. Но неблагодарныя дѣти забыли объ Отцѣ своемъ. Вотъ о Немъ-то мнѣ и захотѣлось въ день и годъ 60-лѣтія поговорить съ добрыми читателями.

В. Р.

Ах, эти осли уже погасли.
- Не погасли, грядут
над Рязанью: эти осли
никуда не могут
погаснуть (пока 2 3 4)

Единство все велико, - душевно естественное,
улыбка, рестораторы из Александрии и из
Каиро. Вот, кто сейчас по направлению к своим домам
и там бытует на азиатском.

- Единство и много и велико и
мне кажется в это переломе.

(пока 2 3 4)

А описательские моменты и про них же?

- Они и сами за себя, разрабо-
таны и прописаны. Они будут на
будущее и они описаны в строках.
Но не описаны ~~в строках~~
"разом" и "вс".

(пока-то пока)

Разве и мы и мы Гомару,
разрабатываем "контрасты"
иногда, принимаем на себя, что
это "ваши из нас и все в нас?"

Величайшая минута истории.

„Римская имперія“. Сборникъ статей въ переводѣ А. С. Милюковой. Спб. 1900. — Юліанъ Кулаковскій. „Смерть и безсмертіе въ представленіи древнихъ грековъ“. Кіевъ. 1899. — Густавъ Флоберъ. „Саламбо“, романъ. — Ф. В. Фарраръ. „Соломонъ, его жизнь и время“. Спб. 1900. — „Ветхозавѣтный храмъ въ Іерусалимѣ“. Изслѣдованіе проф. Олесницкаго. Изданіе Православнаго Палестинскаго Общества.

Передо мною рядъ книгъ, частью только-что прочитанныхъ, частью давно составляющихъ любимое занятіе. Сборникъ г-жи Милюковой (667 стр.) составленъ въ меньшей части изъ русскихъ оригинальныхъ изслѣдованій и въ большей части изъ переводовъ новыхъ западно-европейскихъ трудовъ (въ отрывкахъ) и древнихъ памятниковъ. Тутъ возлѣ статьи проф. Герье „Августъ и установленіе Римской имперіи“ помѣщенъ переводъ открытаго и изданнаго Момзенемъ анкирскаго памятника „Res gestae divi Augusti“, — автобіографія Августа. Риторическій трудъ Фаррара не смѣетъ отрѣшиться отъ установившагося тона при изложеніи библейскихъ предметовъ; онъ вздымаетъ крылья, но не летитъ, не хочетъ остаться на мѣстѣ и остается на мѣстѣ. Знаменитый романъ Флобера даетъ кое-что, но въ общемъ преисполненъ олеографической мази кровью и безчеловѣчной грубостью. Несравненно глубже всѣхъ превосходная работа профессора Кіевской духовной академіи Олесницкаго, реставрирующая въ мельчайшихъ деталяхъ скинію Ветхаго Завѣта и Соломоновъ храмъ. Но что эти труды передъ темою?! Она — безконечна. Величайшая минута истории — вотъ имя тѣхъ двухъ-трехъ вѣковъ, на которыхъ совершился переломъ отъ до-христіанской къ христіанской эрѣ. Историки пишутъ объ этомъ переломѣ изслѣдованія, романисты — романы; и даже публицисты берутъ изъ той эпохи краски на свою палитру. Знаемъ ли мы ее? Да, по памятникамъ. Понимаемъ ли? Едва ли.

Многіе ли, напримѣръ, знаютъ, что день 25 декабря, „праздникъ Рождества Христова“, когда мы такъ радостно спѣшимъ въ христіанскіе храмы и зажигаемъ восковыя свѣчи передъ темными ликами въ нихъ, установленъ и при-

нять былъ новою религіею какъ компромиссъ съ митріанствомъ и принадлежитъ собственно циклу вѣрованій этого звѣзднаго мидійскаго божества? У В. В. Болотова, недавно умершаго высоко-талантливаго профессора С.-Петербургской духовной академіи, есть изслѣдованіе: „День и годъ мученической кончины св. евангелиста Марка“. Попутно онъ входитъ въ величайшія детали календарнаго расположенія праздниковъ, и вотъ здѣсь, опять попутно же, входитъ въ сообщеніе фактовъ совершенной неодолимости для ранняго христіанства митріанскаго культа, — о томъ, что споръ „pro“ и „contra“ рѣшительно колебался, и при томъ не въ сторону христіанства; и когда, наконецъ, побѣда была вырвана у язычества, то чтобы что-то затушевать, скрыть, — чтобы принять въ себя и приписать себѣ главный митріанскій праздникъ возрождающагося Солнца, совершавшійся у язычниковъ-римлянъ 25-го декабря—это число декабря мѣсяца было принято христіанскими епископами, вождями борьбы, за „день Рождества Христова“. Признаюсь, прочитавъ это, я затрепеталъ. Точно я увидѣлъ кусокъ мяса или крови, еще живой и дымящейся, вырванный изъ столь давно минувшей борьбы. „Такъ вотъ какъ горячо было дѣло!“... Кто же не знаетъ и еще факта, что Константинъ Великій, уже давшій торжество христіанству, провозгласившій его государственною религіею, получившій чудесное знаменіе Креста Господня на небѣ, крестился всего за нѣсколько дней до смерти, какъ бы говоря всѣмъ этимъ: „оно восторжествовало въ имперіи, но не въ моемъ сердцѣ!“ Ибо когда легіоны, населеніе, чиновничество были христіанскими, когда уже собрался Никейскій соборъ и установилъ главное очертаніе церкви, что могло одинокую душу императора удержать отъ шага, политически столь нужнаго? „Антонинъ Пій воздвигаетъ храмъ Митры въ устьѣ Тибра, въ Остіи; при Маркѣ Авреліѣ статуя Митры появляется на Ватиканскомъ холмѣ, въ Римѣ, — на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь возвышается храмъ св. Петра“, — пишетъ Жанъ Ревилль въ книгѣ „Римская религія во времена династіи Северовъ“. Да что такое „Митра?!!“ Никто порядочно не знаетъ, не знаетъ внутренно и по существу. Когда читаешь изслѣдованія, поражаешься какимъ-то хламомъ суевѣрій, ни на одну минуту не останавливающимъ вниманія. Вниманіе останавливается исторіей постепеннаго введенія культа: его узнали впервые отъ морскихъ пиратовъ, разбитыхъ Помпеемъ; но отзывы „объ этомъ суевѣріи“ такъ презрительны и пренебрежительны долгое время, въ теченіе приблизительно двухъ-сотъ лѣтъ, какъ только это могли бы дѣлать мы по тѣмъ лоскуткамъ извѣстій, какія дошли до насъ. Но потомъ что-то узнали о немъ. Что? — Невѣдомо. — Маркъ Аврелій — не чета разбойникамъ, его читаемъ мы, на него немного лѣтъ назадъ указалъ Толстой, какъ на величайшаго моралиста: и вотъ онъ воздвигаетъ Митрѣ алтари. Очевидно, мы чего-то такого не знаемъ, что зналъ Аврелій, что составляетъ въ культѣ Митры, — да и вообще въ язычествѣ, — главное, и, не зная о чемъ, мы, въ сущности, вовсе не понимаемъ кровь, жилы и нервъ

величайшей исторической минуты. Что такое было? Въ чемъ заключалось дѣло? Откуда борьба не только въ жизни, но, очевидно, и въ сердцахъ?!

Вѣдь мы какъ себѣ представляемъ эту эпоху и самый переломъ? — „Миръ утопалъ въ развратѣ; цезари пьянствовали, женщины распутничали. Мессалины, Мессалины и Мессалины; Неронъ; безсильный Тацитъ, жгучій Ювеналъ. Приходитъ ап. Павелъ и проповѣдуетъ Распятаго. Свѣтъ побѣдилъ тьму“, — и Семирадскій, какъ и Сенкевичъ, получили сюжеты для своихъ талантовъ. Такъ ли было дѣло? Такъ ли оно просто? Не было ли тоски и дѣйствительнаго недоумѣнія? И тогда — въ чемъ оно?

Нѣтъ ли языческаго сейчасъ во мнѣ, въ васъ, читатель, но чего мы не замѣчаемъ? Вотъ нить изслѣдованія, путь разгадокъ. И, проще всего, не проносимъ ли мы иногда слово „богъ“ или „Богъ“ съ такими отгѣнками и въ такія минуты собственнаго положенія или окружающей насъ обстановки, когда рѣшительно нѣтъ повода вспомнить ту особенную проповѣдь, тѣ частныя указанія и конкретныя имена, которыя принесъ ап. Павелъ въ Римъ? Да, есть!

Когда волнуется желтѣющая нива
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка

.....
Тогда смиряется души моей тревога...
И въ небесахъ я вижу Бога.

Вотъ очень странное стихотвореніе! Если бы цензоръ, просматривая его, предложилъ автору прежде одобренія исправить послѣднюю строчку въ томъ смыслѣ, какъ проповѣдовалъ это ап. Павелъ, т.е. что „и въ небесахъ я вижу Иисуса Христа“, то Лермонтовъ ужасно смутился бы, взялъ бы стихотвореніе домой, долго бы надъ нимъ думалъ и, наконецъ, рѣшился бы лучше вовсе его не печатать, чѣмъ сдѣлать поправку совершенно невѣрную относительно состоянія его души и предмета стихотворенія. Вотъ точное изображеніе приснопамятной борьбы. Богословія еще тогда не создано и не было религіозной системы; было одно Евангеліе: и сущность борьбы и заключалась въ томъ, чтобы вездѣ, гдѣ языческій міръ чувствовалъ душевную нужду назвать имя Божіе безъ точнѣйшихъ опредѣленій, христіане стали требовать, чтобы вставлялось конкретное и опредѣленное имя, называемое вездѣ въ Евангеліи. Мы за тысячу лѣтъ къ этому привыкли. Но вѣдь этой тысячи лѣтъ тогда не было. До сихъ поръ я помню обрывки пѣсни, производившей на меня впечатлѣніе въ дѣтствѣ; въ ней поется объ узникѣ, несправедливо ввергнутомъ въ темницу, и тутъ — картина ночи и часового подъ рѣшетчатымъ окномъ:

И на штыкѣ у часового
Горитъ полночная луна.

Стихотвореніе, конечно, плохо, потому что какъ же кроткая и блѣдная луна „горитъ“! Но вотъ послѣднія двѣ строчки, въ которыхъ авторъ-пѣвецъ успокаиваетъ узника:

Но есть на свѣтѣ Провидѣнье
И на святой Руси—отець.

Т.-е. на землѣ есть „царь“, а „въ мірѣ есть Провидѣніе“, которые не оставляютъ до конца несправедливости. Теперь, если бы въ заключительныхъ строчкахъ мы на мѣсто „Провидѣнія“ вставили или предложили поэту вставить: „потому что былъ, и умеръ, и воскресъ Иисусъ, сынъ Маріи, обрученной Іосифу“, то опять вышло бы недоразумѣніе, нежеланіе поправить и прямо невозможность поправки, раскрывающія страннымъ расхожденіемъ своимъ смыслъ древней борьбы. Была ли въ древности вѣра въ Провидѣніе? Несомнѣнно! Въ безсмертіе души? Конечно, — была сильнѣйшая вѣра, о которой говорятъ элевзинскія таинства и діалоги Платона. Знали ли древніе Творца міра? О немъ постоянно говорятъ Платонъ и Аристотель. Вѣра въ Бога была до такой степени сильна, что, напримѣръ, обращеніемъ къ Богу начинается знаменитая рѣчь „О вѣнкѣ“ Демосѣена, а Платонъ кончаетъ молитвами многіе изъ своихъ діалоговъ, напр. „Федръ“. Можемъ ли мы представить Спенсера, который заключалъ бы молитвою „Соціальную статику“ или „Книгу о воспитаніи“? Смѣшно объ этомъ спрашивать. Но если бы что-нибудь подобное случилось, то его бы назвали „святошей“. Между тѣмъ никакимъ насмѣшливымъ именемъ не обзывали древніе Демосѣена и Платона, и, слѣдовательно, напряжение вѣры какъ у свѣтилъ своего времени, такъ и у общественной массы, — прямо было въ концѣ язычества ярче, серіознѣе, такъ сказать — трагичнѣе, нежели у насъ сейчасъ, т.-е., во всякомъ случаѣ еще не при концѣ христіанства. Такимъ образомъ формула: „Міръ погибалъ, цезари пьянствовали, женщины развратничали, пока и т. д.“ — не имѣетъ никакого подъ собою фундамента, и мы просто не знаемъ: да что же такое совершилось тогда?

Собственныя имена боговъ древности, какъ и весь Олимпъ и Капитолій, не имѣютъ никакого значенія, что видно изъ легкости, съ которою они замѣняли Юпитера Митрою, а греки-Птоломеи, т.-е. поклонники Зевса и Геры, придя въ Египетъ, усердно реставрировали древніе храмы Озириса и Изиды. Можно сказать, что теизмъ челоѣчества раздѣляется на христіанскій и внѣ-христіанскій, при чемъ послѣдній вездѣ былъ одинъ, состоя изъ вѣры въ Провидѣніе, Творца міра, загробную жизнь и будущій Судъ надъ злыми и добрыми. Но это все входитъ и въ нашу вѣру, безспорно, — однако, возникнувъ ранѣе ея. Борьба между христіанствомъ и внѣ-христіанскимъ теизмомъ и заключалась въ долгомъ недоумѣніи древняго міра, въ долгомъ его страхѣ: входятъ ли, — и какъ входятъ загробный Судъ, безсмертіе души, Всевидящее міровое Око, — въ краткій и тѣсный разговоръ, принесенный изъ Галилеи, который они знали не

подъ угломъ намъ извѣстнаго богословія, куда вошли всѣ эти древнѣйшія и обширнѣйшія вѣрованія, но именно какъ разсказъ о 33-хъ годахъ жизни, о распятіи и воскресеніи, объ опредѣленномъ Лицѣ и опредѣленной странѣ. — „А міръ?“ спрашивали они. — „Развѣ онъ безъ Творца?“ — „Развѣ мы, несчастные люди, безъ Провидѣнія?“ Сейчасъ и тогда на всѣ эти вопросы не могли отвѣчать христіане; на нихъ отвѣтили вѣка христіанскаго мышленія, отвѣтили потомъ, отвѣтили позднѣе. И вотъ, какъ кажется, главная причина упорства древняго міра передъ исторіей изъ Галилеи.

Теперь оглянемся на себя. Извѣстно, какъ принимали новичковъ въ Запорожскую Сѣчь. Новичка приводили къ кошевому и тотъ спрашивалъ:

— Въ Иисуса Христа вѣришь?

— Вѣрю.

— И въ Пресвятую Богородицу вѣришь же?

— Вѣрю.

Удостоверившись, что пришедшій не бусурманъ, а христіанинъ, кошевой повелѣвалъ его зачислить въ войско. Человѣкъ становился „казакомъ“, т.е. до извѣстной степени „рыцаремъ креста и христіанства“. И мы всѣ на вопросъ: „Кто вы?“ отвѣчаемъ: „Христіанинъ“, а на дальнѣйшій объ этомъ вопросъ разъясняемъ:

— Мы называемся христіанами, потому что вѣримъ въ Иисуса Христа, Бога нашего.

— Бога?..

— Сына Божія.

Но вѣдь это колоссальная разница, ибо „Иисусъ, сынъ Маріи, обрученной Иосифу“, не покрываетъ, значитъ, и не исчерпываетъ теизма; онъ составляетъ только второй и средній моментъ его. И кто же знаетъ, въ остальные $\frac{2}{3}$ теизма не вмѣстимо ли неопредѣленное чувство Бога у Демосѣена и Платона, ихъ очень ясныя и до сихъ поръ доказуемыя идеи, да и вообще не лежатъ ли тамъ, говоря историческимъ языкомъ, и „эллинъ и іудей“? Вдругъ, сразу, въ первомъ, второмъ и третьемъ вѣкахъ нашей эры, цивилизованному, старому и очень еще пламенно вѣровавшему міру, былъ предложенъ христо-теизмъ. Онъ отказался. Мы теперь, черезъ девятнадцать вѣковъ, знаемъ, что это есть $\frac{1}{3}$ полнаго теизма, но древнему міру онъ былъ предложенъ какъ весь и полный теизмъ. Онъ имѣлъ право отказаться. Вотъ чего не разобрали историки, всѣ не разобрали. Что же такое эти $\frac{2}{3}$ теизма?

Мы очень мало вдумываемся въ глубочайшую философію, скрытую въ нашемъ Символѣ вѣры, которую необычайно сжато формулировали отцы Никейскаго собора, — такъ сжато, а для насъ и такъ привычно, что мы ее повторяемъ какъ дьячки, которые вмѣсто „Господи, помилуй“, сорокъ разъ повторяемаго, уже сливаются это въ какое-то гудѣніе: „би-ли-би-ли-Господи“.

Велико дѣйствіе привычки и — забвеніе, безпамятность, ею порождаемая. „Вѣруемъ въ Бога-Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, видимаго и невидимаго“. Что здѣсь не умѣщается? Что сказалъ бы древній міръ, если бы формула эта, изреченная церковью въ четвертомъ вѣкѣ, была предложена апостольскими учениками въ первомъ и второмъ вѣкѣ тому же Марку Аврелію, Антонину Пію, Александру Северу? „Въ это всегда мы вѣровали! О немъ — наши гимны, объ Отцѣ свѣтовъ, и даже въ тѣхъ словахъ, какъ вы говорите: „Свѣта отъ Свѣта, Бога истинна отъ Бога истинна“! Вѣдь нужно же что-нибудь понимать въ древностяхъ. „Міръ видимый и невидимый, феноменальный и трансцендентный, и въ центрѣ его какъ зиждитель — Богъ“, это есть альфа древней вѣры, которая безъ всякой перемѣны вошла въ первый членъ нашего Символа. Можно сказать, въ борьбѣ внѣ-христіанства съ христіанствомъ только и дѣлалось, что первый членъ Символа отстаивался отъ второго, пока на Никейскомъ соборѣ они согласовались и не найдена была міровая „эврика“. Но мы всѣ, до сихъ поръ мы всѣ, совершенно вопреки богومудрости отцовъ четвертаго вѣка, незамѣтно для себя впадаемъ въ отрѣзанный и обрубленный евангелизмъ, въ Христо-теизмъ; — и, ничего конкретнаго не соединяя съ Богомъ-Отцомъ, ничего въ мірѣ и въ себѣ не отыскивая, что относилось бы — по Символу „не слянно“ — къ Нему, опять выходимъ изъ полноты собственной вѣры.

— Вы кто такой?

— Христіанинъ, т.-е. я признаю Богомъ Иисуса Христа.

Это, конечно, истинно, но не полно, — противъ Никейскаго Символа вѣры не полно, — представляя только второй членъ его. До чего забвеніе всеобще, можно видѣть изъ примѣровъ Гете и Вольтера, которые рѣшительно отказывались понять „Троичность Единаго“, прямо смѣялись надъ этимъ, какъ надъ ариѳметическою невозможностью. И у насъ многіе смѣются, просто и чисто-сердечно не понимая. Между тѣмъ это не только понятно, но только это-то и понятно, т.-е. когда около Научителя высочайшаго нравственнаго закона поставлено Предвѣчное Око, блюдушее міръ, Свѣтъ свѣтовъ, Провидѣніе и Судія, угаданное, да и, наконецъ, опредѣленно почувствованное, хотя и различно наименованное, между Тибромъ и Ефратомъ, Ниломъ и Пропилеями, — между древнимъ Авраамомъ и до Константина Великаго.

До какой степени это такъ, можно видѣть изъ слѣдующаго. Кто изъ православныхъ, войдя въ католическую или протестантскую церковь, взялъ бы частицу св. даровъ и причастился? — Никто! — Перекрестился бы по-ихнему? — Никто же! — Они въ нашей церкви? — Тоже ничего бы не сдѣлали. Между тѣмъ вѣра въ Иисуса Христа, въ Бога-Отца, полное признаніе галилейскаго событія, принесеннаго на Западъ апостолами, у нихъ и у насъ одна. Рѣшительно — мы одной вѣры, мы „христіане“ всѣ. Читатель не знаетъ и въ высокой степени удивится, если я скажу ему, что въ Іерусалимскій храмъ Соломона, —

да, въ тотъ храмъ, гдѣ поучаль нашъ Спаситель, въ который входили пророки... въ храмъ этотъ входили и эллины, не какъ зрители, а для совершенія нѣкоторыхъ низшаго разряда жертвъ и служеній. „Язычники допускались къ участию въ іерусалимскомъ культѣ, — отъ нихъ принимали всѣ жертвы по обѣтамъ и жертвы добротныя, такъ называемыя недавогъ и недаримъ, т.-е. всесожженія, хлѣбныя приношенія и возліянія. Не принимались отъ язычниковъ только специальныя еврейскія жертвы — какъ жертва за грѣхъ, жертва отъ гноеточивыхъ и родильницъ“ (смотри всѣ исторіи Талмуда). Ученые вяло и сонно приводятъ эти факты, не падая со стула отъ страха: хотя вся причина упасть—есть. Ибо вѣдь это въ переводѣ на факты теперешней религіозной жизни говоритъ о такой близости язычества и іудейства, какой еще нѣтъ между католиками и православными, между лютеранами и католиками. Ибо фактъ таковъ, какъ-бы у насъ былъ обычай и слово: „Причаститься католику у насъ нельзя, а вынуть просфору и поставить свѣчку — можно“; или: „Нельзя пастора позвать служить нашу литургію, но позволить ему отпѣть панихиду по умершемъ — можно, справить молебень у него — можно же“. Между тѣмъ какъ вся сумма нашей психики и вся сумма совершившагося — и почувствованнаго, и дѣйствительнаго — раздѣленія между протестантизмомъ и православіемъ не допускаетъ этого! Такимъ образомъ, мы отъ лютеранина религіозно стоимъ дальше, чѣмъ аѳинянинъ стоялъ религіозно отъ кого-нибудь изъ колѣна Веніаминова. Между тѣмъ „Веніаминова вѣра“ есть немножко и наша („Ветхій Завѣтъ“), и этого мы не скрываемъ отъ дѣтей, учениковъ гимназій. Между тѣмъ не только отъ гимназистовъ, но и отъ ученыхъ скрыто, что черезъ это посредство „жертвъ грековъ въ іудейскомъ храмѣ“ мы имѣемъ что-то свое и въ Эллинскомъ Символѣ исповѣданія!! Какъ-же не упасть со стула, если есть живой умъ и воображеніе? Съ другой стороны, четвертый годъ мѣсяца издревле и сейчасъ называется у евреевъ „Таммузъ“, а это — имя самаго любимаго божества сиро-финикійскихъ городовъ. И пророкъ Іезекииль въ одномъ мѣстѣ жалуется: „О, еврейскія женщины! Вы сидите въ храмѣ и сплетаете одежды Таммузу“. Это смѣшеніе волнъ теизма вовсе было-бы невозможно, если бы суть его, отъ коего до насъ дошли щепень и камень, обломки обезсмысленныхъ надписей, не была подобна какъ бы четыремъ полостямъ нашего сердца, которыя въ разное время сжимаются, но черезъ всѣ ихъ бѣжитъ одна кровь, хоть въ разные моменты и разнаго цвѣта. Но мы показали, что и по-сейчасъ мы воздыхаемъ иногда языческими воздыханіями, и говоримъ въ стихахъ тѣ, что могло бы безъ противорѣчія помѣститься въ сборникѣ древнѣйшихъ восточныхъ гимновъ. „Свѣта отъ Свѣта, Бога истинна отъ Бога истинна, рожденна, не сотворенна“... Этотъ моментъ рожденія, рождаемости въ Божествѣ — опять это альфа теизма въ Геліополисѣ и Вавилонѣ.

Я люблю на Литейномъ, близъ Окружнаго суда, церковь, которой темно-синій куполъ усьянъ золотыми звѣздами. О звѣздномъ небѣ ничего нѣтъ

въ Евангеліи, и это не есть евангелическая часть нашего теизма. Между тѣмъ я читаю у пророка Амоса (гл. 5) слова съ очень точнымъ наименованіемъ одного созвѣздія: „Кто сотворилъ семизвѣздіе и Оріонъ и претворяетъ смертную тѣнь въ ясное утро? Господь — имя Ему“, и въ слѣдующей главѣ какое-то странное упоминаніе, повидимому — о Скинїи Моисеевой, но съ удивительнымъ осложненіемъ: „Приносили ли вы Мнѣ жертвы и хлѣбные дары въ пустынь въ теченіе сорока лѣтъ, домъ Израилевъ? Вы носили скинїю Молохову и звѣзду бога вашего Ремфана, изображеніе котораго вы сдѣлали для себя“. — „Вотъ я вамъ, за ваши звѣздочки и луночки, и опахала, и цѣпочки на ногахъ...“ грозитъ Исаія еврейскимъ женщинамъ (гл. 4). Странно. Въ костюмъ одежды переходитъ нѣчто священное или бывшее священнымъ, по крайней мѣрѣ — у народа, столь ритуальнаго и въ одеждѣ, какъ библейскіе евреи. Да упоминаніе о „звѣздѣ“, изображеніе которой будто бы носилось евреями въ пустынь, не оставляетъ никакого сомнѣнія о священномъ трепетѣ евреевъ при воззрѣніи на звѣзды, „и на семизвѣздіе, и Оріонъ“. Между тѣмъ трепеть къ звѣздамъ есть часть, есть непремѣнная часть религій Оивъ и Вавилона. Я не знаю почему, но я трепещу при воззрѣніи на звѣзды, „умныя очи“, очи „изъ неба на меня“, и все мнѣ хочется прочесть тамъ мою судьбу, рокъ о мнѣ, — заботу Провидѣнія. Вѣрю, вѣрю съ поэтомъ:

Ночь тиха. Пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздой говоритъ.

Т.-е. вѣрю жизни небесъ, что они — живутъ, что они — не холодны и что они суть именно „многоочитая“ одежда божества, „очи спереди и сзади и внутри и снаружи божества“, какъ ихъ описывалъ въ тайносказаніи Іезекіиль. Но эти звѣзды, и именно въ куполѣ храма, — я ихъ видѣлъ и срисовывалъ изъ атласовъ различныхъ экспедицій въ Египетъ. Ничего въ Евангеліи о созвѣздіяхъ; въ Египтѣ — онѣ всюду; и онѣ же на дорогахъ нашихъ церквахъ, но уже безъ памяти — откуда? какъ?.. Я говорю, древность не умерла; но, потерявъ имена, — вѣчною въ ней сутью она вошла въ суть нашего теизма... Ни эллинъ, ни іудей ни умерли и не могутъ умереть.

„Я поклоняюсь святому чуду міра“ — кто меня остановитъ, если я такъ скажу? Между тѣмъ на Акрополѣ и въ Капитоліи, и въ Оивахъ, и въ Вавилонѣ и поклонялись, и умилялись, и лили слезы передъ „святымъ чудомъ міра“, и о немъ же задумался въ колебаніяхъ Константинъ, о немъ размышлялъ Маркъ Аврелій; его мы чувствуемъ всѣ сейчасъ. Чудо міра — въ смыслѣ недоступности для разумѣнія; но и еще далѣе и глубже — святость міра: ибо гдѣ же въ немъ не Богъ? Я поклоняюсь памяти святого; но еще я хочу поклониться изображенію его, хотя въ немъ нѣтъ его, а только связь моей памяти и точной съ него копии. Но также и никто меня не остановитъ, если я поклоняюсь звѣздѣ, какъ иконѣ Вѣчной Премудрости, какъ точкѣ касанія перстовъ

Божіихъ? Если снимокъ есть „образъ“, то „образъ“ есть и звѣзда, и „семизвѣздіе, и Оріонъ“. Вотъ какъ далеко все идетъ, и вмѣстѣ какъ просто! На одно недоумѣніе Пушкина Филаретъ отвѣтилъ прямо египетскимъ стихомъ, т.-е. вѣчною и вездѣ истинною, которая, однако, ранѣе всего почувствовалась и была прямо названа, формулирована въ Египтѣ. Пушкинъ затосковалъ, смутился, — петербургскій дэнди спросилъ въ уныніи:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?

.....
Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ?

Филаретъ отвѣтилъ, изъ души, изъ глубины своей души, не размышляя и сейчасъ же отвѣтилъ:

Не напрасно, не случайно
Жизнь отъ Бога намъ дана..

Какой краткій отвѣтъ! Съ какой радостью мы его всѣ слушаемъ! Но очнемся, откуда это? „Жизнь намъ“, увы, дается такъ же, какъ и каждой твари, и какъ въ цвѣткѣ дается жизнь растенію, и огромному баобабу, и едва видной травкѣ. Можемъ ли мы сказать о всѣхъ этихъ моментахъ дарованія жизни, что тутъ — „Богъ“ и „отъ Бога“? Мы вспоминаемъ лотосы въ египетскихъ храмахъ. Такъ неужели имъ вѣрить?! Филаретъ вѣрилъ. Не — „Богъ“, конечно, но — „жилище Божіе“; и какъ звѣзда есть образъ, такъ образъ же есть и цвѣтокъ — какъ еще другая точка касанія Божіихъ перстовъ. Не вездѣ одинаково это касаніе, „печать“ Божія не всюду одинакова: — есть точки избранныя, есть точки особенныя. Въ лицѣ нашемъ насколько „глазъ“ особеннѣе „остального!“ Онъ — точно въ лицѣ еще особенное лицо, новое, глубочайшее, изнутри проглядывающее! „Сколько души“ въ глазѣ! „Сколько Бога“ — въ цвѣткѣ! Въ стеблѣ — его меньше; въ корѣ — совсѣмъ

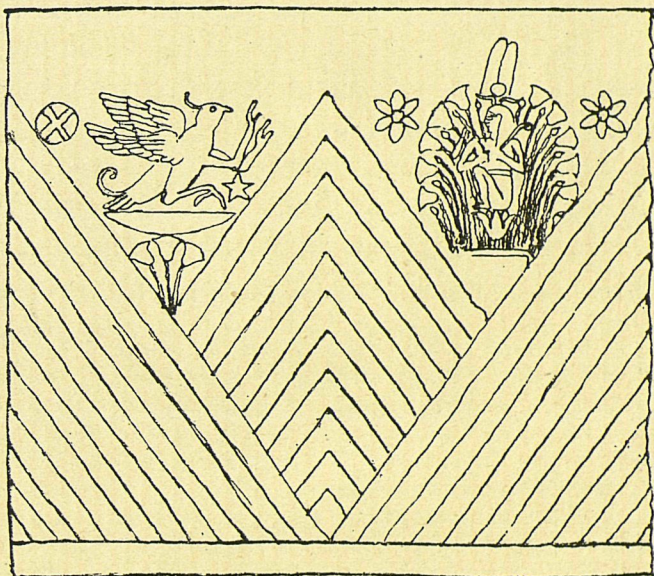

Рис. 1.

Рис. 1. Изображеніе на основаніи колонны храма въ Исне (Lato polis). Взято изъ I-го тома, таблица 80, „Description de l'Égypte ou recueil des observations et des recherches qui ont été faits en Égypte pendant

мало; въ камнѣ — ничего. Камню я и не молюсь, тоже — корѣ; но о цвѣткѣ... все-таки могу сложить мистико-религіозную пѣсенку; и тоже — о звѣздѣ... „и семизвѣздіи, и Оріонѣ“. Звѣзда и цвѣтокъ имѣютъ много бого-присутствія въ себѣ. Древніе такъ и говорили: — „Вы намъ проповѣдуете высшую мораль; но вѣдь еще есть трансцендентность, есть міръ-загадка, есть міръ-чудо: какъ это у васъ, въ какомъ положеніи?“ — Три вѣка и шель споръ. — „Вы должны любить и враговъ, а не однихъ ближнихъ: Онъ ска-залъ“. — „Но что Онъ сказалъ о звѣздахъ и цвѣткѣ“? —

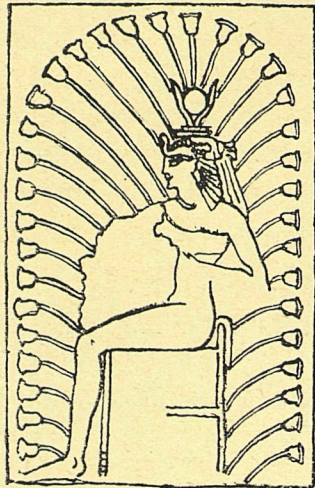

Рис. 2.

„и о Промыслѣ надъ звѣздою и цвѣткомъ“? — „и о томъ, откуда въ цвѣткѣ и во мнѣ жизнь?“ Это совсѣмъ разные вопросы. Разную категоричность этихъ вопросовъ не уловилъ и Гете, не говоря ужъ о Вольтерѣ. „Правила поведения“ нисколько не есть то же, что загадка о силѣ „роста растенія“. „Такой нравственности могъ на-учить только Богъ“, говорю я, читая Евангеліе, и не слушаю Ренана, отмечаю Штрауса. — „Но и такую пре-лестъ могъ сотворить только Богъ“, — говорилъ древній, указывая на кувшинку въ прудѣ, образъ которой онъ перенесъ въ храмъ. Да, Богъ вездѣ... „въ видимомъ и невидимомъ“; онъ „видимо“ жилъ между нами 33 года; но гораздо ранѣ Ему же пять тысячъ лѣтъ молились какъ „Невидимому“ въ храмахъ, главная и всеобщая

черта которыхъ была полное отсутствіе изображеній, иначе какъ въ аллего-рическомъ смыслѣ.

Намъ хочется кончить мысль свою почти иллюстраціей. Извѣстно, что Соломоновъ храмъ былъ только развитіемъ, расширеніемъ Скиніи Завѣта, планъ которой, при сокрытой мысли, данъ былъ Моисею на Синаѣ Богомъ.

l'expédition de l'armée française, publié par les ordres de S. M. l'Empereur Napoleon le Grand. Paris. MDCCCXII.

Египтяне вѣчно брали природу въ синтезѣ, а не въ анализѣ, чувствовали ея синтетическіе токи и направленія, а не разлагающіе. Можно однако это принимать и такъ, что они „разнообразіе природы сводили къ единству“. Мысль остается одна и таже въ обоихъ выраженіяхъ. Только эти люди природу не умершвляли, какъ-бы „химіи они не предполагали и не предвидѣли самой ея возможности“. Безъ этого синтеза и влеченія къ нему, тайной радости о немъ, — не встрѣчается почти ни одного египетскаго изображенія.

Здѣсь мы имѣемъ: птичка подняла человѣческія у себя руки кверху, — въ восторгѣ и вмѣстѣ въ умиленіи, — какъ мы привычнымъ теперь для насъ жестомъ (но въ Египтѣ-то это было впервые и вновь) „всплескиваемъ руки“ или „подымаемъ молитвенно кверху“ (и что „молитвенно“ — объ этомъ говорить звѣзда передъ нею) — обратясь личикомъ къ человѣческой фигурѣ, сидящей на лотосѣ и окруженной лотосами расцвѣтшими въ перемежку съ уготовляющимися къ рас-цвѣту (бутоны). „Роды“-ли это человѣка изъ цвѣтка, нѣтъ-ли, — но къ этому близко, тѣни этого носились передъ египетскимъ умомъ. Однако по присутствію бутоновъ мы заключаемъ, что птичка „такъ сложила ручки“ при зрѣлищѣ человѣка въ его рождающемся моментѣ.

Рис. 2 Рисунокъ взятъ съ таблицы 67-ой того-же изданія. Часть рисунка обломана, — и линія та, гдѣ „ребенокъ сосетъ грудь матери“. Синтезъ здѣсь выраженъ въ рогахъ коровы, объемлющихъ дискъ солнечный на головѣ матери. Все — какъ *adoratio* материнства.

Въ то же время этотъ храмъ воздвигали архитекторы и мастера Тирскаго царя Хирама. Вотъ мостъ между Синаемъ и Тиромъ, устои котораго стоятъ еще сейчасъ, а настилка и перила снесены памятными событиями. Въ храмъ былъ жертвенникъ — святѣйшее мѣсто; и въ Скинии былъ онъ же. Планъ жертвенника и опять же его тайная, не рассказанная мысль, была дана Богомъ. Между подробностями устройства жертвенника замѣчательна одна: подъ верхней его доской находилась земля и камни — не тесанные. Мысль цѣлости проходитъ во всемъ израильскомъ священнослуженіи: „священникъ долженъ быть безъ болѣзни и не уродъ“, „пасхальный агнецъ — безъ порока и однолѣтній“, а Агнцу міра, жертвѣ за грѣхъ міра, „не были перебиты голени“. Вездѣ проходитъ мысль органической цѣлости. Еще одно упоминаніе Библии: въ огонь жертвенный нельзя было бросать дровъ съ загнившимъ или червивымъ сучкомъ, ибо это — „грѣхъ“, такое дерево было противно священному пламени. Вездѣ — одна мысль: мысль о „жизни“, какъ противоположеніи „смерти“. Но въ жертвенникѣ, который весь святъ, были точки исключительной и страшной святости: это — рога по четыремъ угламъ его. Это за нихъ ухватился Іоавъ, преслѣдуемый воинами Соломона, передъ смертью. „И ухватился Іоавъ за роги жертвенника“, сказано въ четвертой книгѣ Царствъ: это — убѣжище и прибѣжище, храмъ въ храмѣ, „сердце“ жертвенника. Удивительно, что историки не обратили на это вниманія. Если есть рога — есть и тотъ, у кого бываютъ рога; если они были столь священны, очевидно, они не были „архитектурнымъ украшеніемъ“. Но гдѣ же онъ? Гдѣ же Тотъ, кому они принадлежать?!. Всѣ мы читаемъ въ Апокалипсисѣ о Предвѣчномъ Агнцѣ и не удивляемся, не поражаемся, привыкли. Знаемъ и Пасхальнаго Агнца Библии, что-то знаменующаго. Агнецъ — ягненокъ: вотъ у кого могутъ быть „рога“. Но гдѣ онъ? — Уходитъ въ жертвенникъ, сокрытъ въ немъ, невидимъ — по общему закону невидимости, но не отсутствія, которая проведена въ Скинии и повторена была въ храмѣ. „Невидимъ“, но „есть“; и что онъ „есть“ — свидѣтельствуютъ рога, которые одни выставлены изъ жертвенника. Жертвенникъ похожъ на агнца ли, тельца ли съ наброшенною на него рогожею. Видна рогожа, видна попона: т. е. доска и стѣны жертвенника, но они суть — домъ и жилище только не изваяннаго, но въ самомъ дѣлѣ и живымъ присутствующаго здѣсь... тельца ли, агнца ли. Моисей разбилъ изображеніе. Но развѣ это отрицаетъ изображаемое? Икоборцы отрицали образа. Но развѣ это свидѣтельствуетъ, что они „не почитали святыхъ?“ „Завра праздникъ Господу!“ — сказалъ Ааронъ къ народу, сливъ тельца. А неужели онъ ничего не зналъ о томъ, кому поклоняется его братъ?! Нѣтъ изображенія, — и его не нужно, это — грѣхъ; но „рога“ есть и есть, значитъ, изображаемый, но онъ есть — живой, онъ есть не какъ мѣдь и золото, а какъ — жизнь. Ровоамъ въ Веилѣ и обнажилъ животное жертвенника. Онъ снялъ рогожу, убралъ попону; получилось то, что слѣ-

лалъ народу Ааронъ. Историки поняли это, какъ борьбу теизмовъ и такъ объяснили своимъ читателямъ. Между тѣмъ это былъ одинъ теизмъ, и споръ исчерпывался вопросомъ — обнажить ли все, или оставить видимымъ лишь самый незначущій, внѣшній, въ сущности безжизненный, ибо безкровный, придатокъ — рога. Рога — безъ крови и ихъ можно, позволительно передать мѣдью. Но если я поклоняюсь „крови“ и даже въ ней ея тайному и безспорному мистицизму, движущему ее, содѣлывающему ее священной, не проливаемой („не убій“), то какъ, въ самомъ дѣлѣ, ее выразить??? Ааронъ ошибся, и вотъ въ чемъ его ошибка: что жизнь вообще не изобразима въ камнѣ, въ металлѣ, геометрически, статически. И какъ ошиблись историки въ данномъ пунктѣ, принимая за разныя религіи варианты одной, такъ ошибались люди, народы, творцы исторіи — на границахъ нашей эры. До нея, какъ и начиная съ нея, былъ Богъ — „Единый въ трехъ лицахъ“, какъ и исповѣдовали, какъ нашли формулу потомъ. Намъ принесенъ былъ на землю нравственный законъ однимъ Лицомъ; но кромѣ этого есть еще фактъ міра, жилы и кровь міра, и въ нихъ есть также свой мистицизмъ и другой родникъ этого мистицизма. Рожденіе есть фактъ, рожденіе есть кровь; его принципу и поклонялся весь древній міръ, нисколько не ошибавшійся. Ибо даже для того, чтобы мыслить, надо сперва родиться. Это — изначальнѣйшее; и, вмѣстѣ, что это святое и божественное — не отрицаетъ и Филаретъ:

Жизнь отъ Бога намъ дана.

— „Да! да!“ — могъ бы въ отвѣтъ Филарету воскликнуть весь древній міръ въ Афинахъ, Мемфисѣ, Кароагенѣ, Тирѣ, Вавилонѣ: — „Мы именно всегда такъ думали, но мы не умѣли выразить; мы были безсильны, какъ художники и словесники, но какъ молитвенники — мы не ошибались. Не умѣя говорить, мы показывали на лотосы; не умѣя выразить трепетъ сердца — поднимали руки къ звѣздамъ. Но мы не звѣздамъ молились и не лотосу, но, какъ говоришь ты, тому, что вотъ „жизнь — отъ Бога“, въ жизни — Богъ, и онъ Самъ — живень, имѣя въ себѣ ключи вѣчнаго живота: отчего, изображая, мы вѣчно и придавали ему, конечно по-дѣтски еще, то эту, то иную, но непременно животную форму“... „Филаретъ нашелъ слово, ибо онъ и живетъ въ словесную, тоже истинную и божественную, но другую эпоху. У него — истина слова, у насъ была истина факта, но безъ расхожденія и противорѣчія“.

Въ одномъ таинствѣ, глубоко фактическомъ, — бракѣ, — и скрытъ до сихъ поръ весь этотъ будто бы умершій, но не имѣющій никогда умереть, теизмъ крови, „выставляющій рога изъ жертвенника“. Бракъ есть младенецъ, о младенцѣ и черезъ младенца таинство, а младенецъ — „образъ и подобіе“ Агнца. Кстати, „агнецъ“, какъ самое слово знаменуетъ, есть юное, есть дѣтское или отроческое, скорѣе всего — младенческое, по возрасту существо. О зрѣломъ или старомъ не было бы употреблено такое слово, взято было бы другое близкое слово.

Агнецъ — вѣчный младенецъ. Но, повторяемъ, въ признанномъ церковью таинствѣ брака и содержится, но лишь не раскрытый, весь древній мистицизмъ, который и нельзя иначе разрушить, какъ разрушивъ это таинство. А какъ только мы станемъ въ него глубже вдумываться, мы вдругъ почувемъ, что ничего въ древности не умирало и не можетъ умереть. О Логосѣ — мы учимся; но мы — еще существуемъ и живемъ, и вотъ это — уже о Ветхомъ деньми, первомъ Родительскомъ Лицѣ мистическаго Божескаго Существа. И всякій разъ, рождая или присутствуя при рожденіи, мы можемъ поправить греческое уныніе: „Великій Панъ не умеръ, онъ — въ насъ и во всемъ, какъ выражаетъ и самое его имя, о которомъ мы у апостола читаемъ, но лишь въ другихъ терминахъ, но съ величайшимъ и лучшимъ углубленіемъ: „Богъ есть всякое и во всемъ“. Грековъ слѣдовало выдрать за уши за легкость ихъ молитвъ, ихъ свѣтскость, допустившую перейти въ поэзію, но — не за То, Кому они молились.

Зачарованный лѣсъ.

Полъ въ челоѡкѣ подобенъ зачарованному лѣсу, т. е. лѣсу, который обставленъ чарами и который сторожатъ чары. Приближающагося сюда эти чары усыпляютъ, или обманываютъ, или увлекаютъ и иногда губятъ. Въ одномъ и другомъ случаѣ онѣ „проводятъ“ его и достигаютъ главной своей цѣли—не допускаютъ челоѡка войти въ лѣсъ и осмотрѣть его. Еще другихъ эти чары отталкиваютъ, пугаютъ. Показываются „страшилища“, которыхъ челоѡкъ даже не смѣетъ назвать; ни кисть, ни слово не смѣютъ даже передать показавшагося. Челоѡкъ бѣжитъ въ ужасѣ, и снова цѣль достигнута: зачарованный лѣсъ остался тайною.

Да, полъ—это таинственный лѣсъ. Но вотъ Эдипъ входитъ въ него. Главное здѣсь—не потерять голову, имѣть „уши на макушкѣ“, насторожить

умъ и глазъ. Не нужно вовсе фотографировать „чудищъ“, достаточно самому и субъективно всмотрѣться въ нихъ: тутъ начинается удивительное преобразование и первый-же шагъ смѣльчака является обильно награжденнымъ. То, что извнѣ, со стороны города, дороги, пыли казалось рогатыми и суковатыми чудищами, преобразуется при взглядѣ съ той стороны, — со стороны лѣса, въ который уже вступилъ, — чудесными видѣніями, истинными „эльфами“, добрыми существами, съ небесно-блаженной улыбкой и райскими крылами. Поля — „страшилище порока“, „чудище мерзостей“, „Пандоринъ ящикъ“, откуда излетаютъ чумные вѣтры, вѣющіе на міръ — вдругъ оказывается совсѣмъ, совсѣмъ не то: обителью непорочныхъ, родникомъ именно и специально непорочнѣйшаго въ мірѣ, — и, наконецъ, прямо ковчегомъ, гдѣ сокровенно сохраняется какая-то вѣчная и неистощимая, льющаяся въ міръ святость. Кто уже вошелъ въ зачарованный лѣсъ и „не потерялъ умъ“ при этомъ, находитъ на каждомъ шагу здѣсь величайшія сокровища: онъ набираетъ ихъ въ корзину, суетъ за пазуху, кладетъ въ подолъ рубахи. Да это — „цѣлое состояніе“, а мы-то, мы-то тамъ, въ запыленномъ городѣ, и не знаемъ, около какой неистощимой свѣжести живемъ.

Выводы „не потерявшагося ума“ почти еще важнѣе здѣсь, чѣмъ непосредственно собираемая съ земли цѣнности. Все то, что казалось и обычно кажется „падениемъ“ „съ той стороны“ (дороги, пыли, города) — вдругъ оказывается совершенно естественнымъ склонениемъ, въ сущности — благоговѣйнымъ сгибаниемъ колѣнъ, и — такимъ, о коемъ ничего человѣкъ не знаетъ, что онъ это дѣлаетъ невольно и такъ сказать не видя, но повинуюсь склоняющей его выю рукъ. Это — изумительно. Далѣе, оказывается, что „прѣдетъ небо и земля“, но это склонение — не прѣдетъ. Теперь вопросъ — передъ чѣмъ склонение? „Аѳины повинуются мнѣ, я — матери моего ребенка, а она сама — этому ребенку, и, такимъ образомъ, этотъ ребенокъ повелѣваетъ мною и Аѳинами“, сказалъ шутя Θεμιστοκλѣ. Вотъ вѣрное отношеніе пола къ „городу“ и, даже, вотъ суть пола. Это — младенецъ. „Зачарованный лѣсъ“ и есть лѣсъ, окружающій младенца, откуда растеть младенецъ и даже гдѣ онъ зарождается, „зачинается“. „Міръ чудищъ“ есть просто Царство Младенца, гдѣ скипетръ — въ рукахъ младенца, корона — на головѣ младенца, арміи водить — младенецъ; гдѣ все и вся — младенческое, т. е. прежде всего — непорочнѣйшее, чистѣйшее. Такимъ образомъ, склонение всего міра передъ поломъ есть поклонение міра младенцу; и отчего не дополнить: есть поклонение порочнаго міра собственному этому міра младенчеству, — „видѣніямъ“

Первоначальныхъ чистыхъ дней.

Вотъ что такое „пугающія чудища“, „погубляющія чудища“: „порокъ“ бѣжитъ именно къ непорочнѣйшему, когда мы думали, что онъ устремился къ „последней гибели“; онъ буравится въ землю, казалось-бы „роетъ себѣ“

могилу“: будьте терпѣливы, наблюдайте: онъ прорылъ всѣ 12000 верстѣ земного поперечника и не только „не умретъ“, но „воскресъ“ къ тому-же небу и тѣмъ-же звѣздамъ, которымъ мы здѣсь поклоняемся. И въ Америкѣ, гдѣ-нибудь въ Канадѣ, въ Техасѣ — зажегъ лампаду въ сущности передъ тою-же звѣздочкою, но только на 12 часовъ раньше или 12 часовъ позднѣе, передъ коею и мы зажигаемъ въ свой часъ лампаду. Пифагоръ сказалъ: „есть — земля, и еще есть — противо-земіе (*ἀντίχθον*); есть солнце и еще противо-солнце“. Не это-ли онъ подразумѣвалъ?

Міръ эльфовъ, міръ младенцевъ, міръ сказокъ... Родникъ миѳологіи — здѣсь; родникъ юдаизма — здѣсь-же („обрѣзаніе“). Сказочка и молитва вдругъ лобзаются; младенческое цѣлованіе — о, какъ далеко оно отъ лукавства! Да, это — потрясающій „зачарованный лѣсъ“, до того странны здѣсь встрѣчи, дико-волшебны находки. Моисей со скрижалями — и около него, какъ толкователь-„братъ“, не — Ааронъ, но — Шекспиръ; Шекспиръ — въ священническомъ „эфодѣ“, съ еврейскими кисточками! „Они изъ голубыхъ и бѣлыхъ нитей, и утреннюю молитву, которую нужно читать, смотря на эти кисти, — нужно читать въ тотъ часъ утра, когда глазъ получаетъ способность различать бѣлое отъ голубого“ (Талмудъ). Да это — совсѣмъ царица Мабъ, о которой рассказываетъ какой-то Меркуціо въ „Ромео и Юліи“. Я говорю — зачарованный „лѣсъ“, лѣсъ странныхъ встрѣчъ. И вотъ, при вечерней звѣздѣ каждая счастливая чета, каждая смиренная весъ, „последній мѣщанинъ“ — погружается прямо грубою пятою своею въ міръ этихъ сказокъ и этого священничества. О, какъ нужно омыть для этого „пяту“. Какъ становятся понятны вечернія „священныя омовенія“ на Востокѣ. Да, священный, святой Востокъ: родина всѣхъ сказокъ, колыбель всѣхъ религій, истинный „зачарованный лѣсъ“ исторіи. Люблю его, безумно люблю этотъ Востокъ, находя тамъ Шекспира и Моисея. Западъ — полонъ смущеній о Востокѣ. Какъ тосковалъ Шекспиръ („Буря“, „Гамлетъ“); тосковалъ и Гете („Фаустъ“); всякій изъ насъ на Западѣ — тоскуетъ, и мы только не умѣемъ догадаться, что это — тоска по обшей великой нашей родинѣ — священному, святому Востоку:

Загорить, заблестить лучъ денницы, —
И кимвалъ, и тимпанъ, и цѣвницы,
И серебро, и добро, и святыню
Понесемъ въ Старый Домъ...

Я не понимаю этихъ стиховъ Достоевскаго, вѣрно не только приведенныхъ, но и сочиненныхъ имъ: но почему-то я не могу ихъ читать и вспоминать безъ слезъ. Тутъ Достоевскій сказалъ что-то мое; „вчера“ онъ вырвалъ мою „завтрашнюю“ правду. Странная телепатия. Я хочу сказать, что я люблю эти стихи какъ свою родину. Какъ любить человѣкъ могилу матери, могилу своего ребенка. Достоевскій договорилъ:

Понесемъ въ Старый Домъ, въ Палестину.

Главное — мнѣ отрадно, что мы понесемъ туда останки Шекспира; „мощи“ Шекспира. Шекспиръ — „во святыхъ?“ неужели — возможно? „Развѣ для Бога есть что невозможное“, сказалъ Онъ засмѣявшейся Саррѣ. „Женщина — вѣра твоя спасла тебя“ — сказалъ Сынъ. О, какъ мнѣ отрадно, и какъ текутъ слезы о „Богѣ моемъ, Спасѣ моемъ“. И пойдѣмъ, и пойдѣмъ, съ „останками“ нашихъ святыхъ, западныхъ святыхъ, всѣхъ этихъ грустныхъ великихъ людей, смотрѣвшихъ въ недоумѣніи на „зачарованный лѣсъ“: и ужъ конечно — бубны и кольца въ руки:

И кимваль, и тимпанъ, и цѣвницы...

Это будетъ музыкальнѣйшее шествіе, хореографическое шествіе. Мы будемъ такъ прекрасны, какъ еще никогда не былъ человѣкъ отъ дня созданія своего, ибо мы будемъ наконецъ-то счастливы, а въ счастіи-то и скрытъ недостижимый секретъ и такъ сказать „Пандоринъ ящикъ“ всяческой красоты и всѣхъ красотъ. Наши движенія стануть прекрасны; старухи — граціозны какъ дѣти, ибо старухи вновь стануть дѣти; мужчины потеряютъ свою грубость, ибо они стануть нѣжны какъ дѣвушки; и жены воспоютъ священныя пѣсни, какъ Маріамъ — сестра Моисея, или какъ пророчица Деворра: —

Я — Господу спою,

Что высоко вознесся.

.....

Онъ — Богъ мой, я Его — прославлю;

Богъ Отчій — превознесу его...

Изъ сѣдой древности.

...И вселить Богъ Іафета въ шатры Симовы.
Бытіе.

Существуетъ предвѣчное „отчество“; есть вѣчное „материнство“. Что такое Библия? Книга „отчествъ“. „Богъ Авраама, Богъ Исаака, Богъ Іакова“ — вотъ формула Израиля, пронесенная безъ перемѣнъ въ блужданіяхъ между Мемфисомъ, Ханааномъ, Сіономъ, Вавилономъ, Парижемъ, Вильною: т.-е. Богъ Авраама „родившаго“ Исаака, Исаака „рожденнаго“ отъ Авраама и „родившаго“ Іакова, Іакова „родившагося“ отъ нихъ. Но и помимо этого: съ самыхъ же первыхъ главъ и до очень позднихъ, Библия мѣстами переходитъ прямо въ исчисленіе рожденій, въ необозримую генеалогію, вѣтвленіе и вѣтвленіе чело-вѣка. Это какой-то словесный „дубъ Мамврійскій“, — такъ и хочется поправить „дуброва Мамврійская“, — и шумящій въ ней священный вѣтеръ. Индивидуумъ всегда въ ней взятъ въ точкѣ счлененія съ „сукомъ“, на которомъ сидитъ; и вся полнота вниманія остановлена на точкѣ тѣхъ новыхъ возможныхъ „счлененій“, гдѣ отъ него выбѣжалъ или могъ бы выбѣжать свѣжій листъ. Мы говоримъ о томъ, какъ Библия высвѣчиваетъ не въ томъ или иномъ рѣченіи, но въ колоритѣ и мелодіи необозримыхъ святыхъ страницъ. Но вотъ и изъ среды „рѣченій“ одно-два яркихъ:

Іеффай возвращается побѣдителемъ; въ радости онъ даетъ обѣтъ посвятить Богу „во всеожженіе“ тѣ, что выйдетъ первое ему изъ дома. Онъ предполагалъ — корову, барана; но выходитъ — дочь! — единственная!!! Какой ужасъ. Но обѣщаніе передъ Богомъ есть уже дѣло, и вотъ какъ странно для насъ дочь утѣшаетъ отца: „Отецъ мой, ты отверзъ уста передъ Господомъ и дѣлай то, что произнесли уста твои. Но только сперва отпусти меня на два мѣсяца; я пойду, взойду на горы и оплачу дѣвство мое съ подругами моими“. Все далѣе происходитъ соотвѣтственно обѣту. Казалось бы, какая тема для размышленій, скорби, недоумѣнія лѣтописца! — но онъ выписываетъ только одну строку: „такъ она и не познала мужа“ (Книга Судей, глава 11, ст. 39).

Это — вѣчная забота Израиля, и Библию также можно назвать книгою „познаній“ въ этомъ особенномъ смыслѣ, какъ и книгою „отчествъ“. Вотъ еще одна запись: война съ филистимлянами; войска еврейскія разбиты; взять въ плѣнъ и увезенъ ковчегъ завѣта; убиты Офни и Финеесъ, дурные сыновья первосвященника Илія; и, наконецъ, самъ первосвященникъ, получивъ извѣстіе, упалъ навзничъ и умеръ. Казалось, весь Израиль раззоренъ, — какъ племя, какъ государство, какъ „святилище“... — Что же записываетъ лѣтописецъ? „Невѣстка же первосвященника была беременна и уже передъ родами. И когда дошло до нея извѣстіе, то упала она на колѣни и родила, ибо приступили къ ней боли ея. И когда умирала она, стоявшія при ней женщины говорили ей: „не бойся, ты родила сына“. Но она не отвѣчала и не обращала вниманія“. (Т.-е. она была мертва). (Первая книга Царствъ, глава 4, ст. 20).

Вотъ окруженіе „ковчуга завѣта“. Его нѣтъ давно; отъ храма Іерусалимскаго осталась одна „стѣна плача“; но „плоть“ израильская не только живетъ, но и рѣшительно не угасаетъ, не тускнетъ, — и именно въ плотскомъ своемъ свѣтѣ!.. 4.000 лѣтъ — и никакой жизненной усталости; ни тѣни пессимизма... И до сихъ поръ какой-нибудь „Хаимъ изъ Вильны“, бредя домой съ удачной или неудачной покупкой, и увидѣвъ свѣтъ въ окнѣ хотя бы „язычника“, останавливается и произноситъ: „благословенъ Богъ сотворившій свѣтъ“. Этого обычая нельзя навязать: онъ такъ подробенъ, за исполненіемъ его такъ трудно прослѣдить, что, безъ сомнѣнія, онъ давно бы уже исчезнулъ, если бы не было въ каждомъ израильянѣ внутренняго порыва каждый разъ повторить его.

Для историковъ европейскихъ Израиль и до сихъ поръ составляетъ загадку. До чего далека эта загадка отъ разрѣшенія, можно судить по одному замѣчанію, содержащемуся въ „Объясненіяхъ на книгу Бытія“ покойнаго митрополита Филарета московскаго. Дѣло идетъ объ обрѣзаніи, этой странной дѣтской операціи, которая и до сихъ поръ сохранена не поколебленною у евреевъ. Присматриваясь къ „высвѣчиванію“ Библии, безъ труда можно замѣтить, что забота о немъ и страхъ остаться необрѣзаннымъ господствуютъ въ ней надъ вниманіемъ къ пророкамъ и послушаніемъ Моисею, надъ Сіономъ и и самой цѣлостью „12 колѣнъ“ (изъ нихъ одно, Веніаминово, однажды едва не было истреблено: остался только одинъ человѣкъ изъ него); что все это, — вся 4.000-лѣтняя „рѣка Израиля“ и вытекла изъ маленькаго родничка этой странной операціи. Но замѣчательно, что митрополиту Филарету она уже представлялась съ чисто анатомической только стороны, какъ гигиеническая профилактика: „Къ учрежденію обрѣзанія слѣдуетъ полагать двѣ причины: одна — образовательная, и другая — прообразовательная или пророческая. Первою причиною можно считать: предупрежденіе нѣкоторыхъ болѣзней, чистота тѣла, приличная священному народу, приготовленіе къ обильному чадорожденію; въ

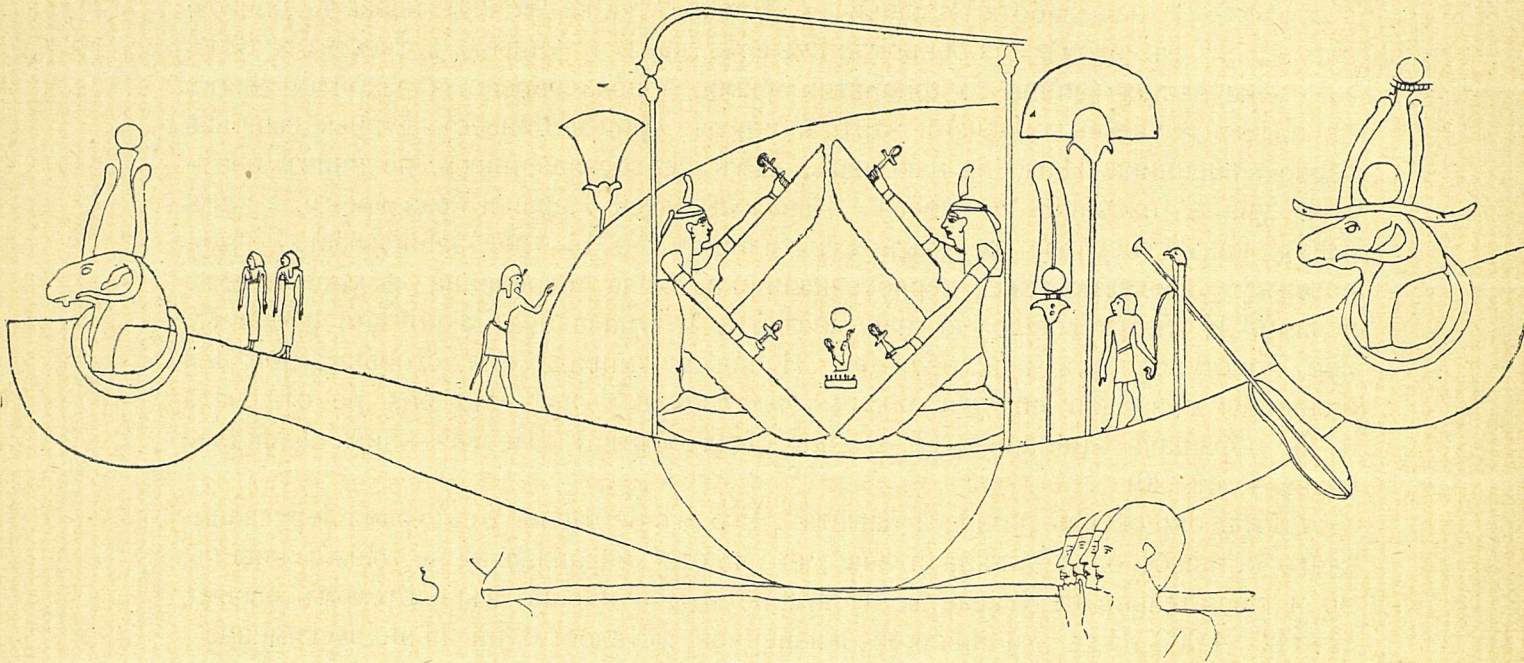

Рис. 3.

семь послѣднемъ смыслѣ изъяснялъ обрѣзаніе Филонъ (еврей изъ Александріи и вмѣстѣ философъ платоническихъ тенденцій, одинъ изъ великихъ, если не самый великій, авторитетъ юдаизма). Пророческое же или прообразовательное значеніе его выступаетъ лишь по воплощеніи Бога-Слова“. — Какой догматическій, самоувѣренный тонъ. Между тѣмъ это больше, чѣмъ непониманіе; это — отрицаніе. „Ветхаго Заветъ не было“, или — „онъ не содержалъ въ себѣ ничего“: вотъ смыслъ приведенныхъ словъ. Судя впрочемъ по ссылкѣ на Филона, уже къ началу нашей эры смыслъ обрѣзанія былъ совершенно темень самимъ евреямъ, и оно держалось и удерживается лишь коснымъ упорствомъ раввината. Между тѣмъ въ Библии есть одно указаніе на смыслъ операціи: это — восклицаніе Сепфоры, жены Моисея. Важно здѣсь все окруженіе обстоятельствъ, и мы приведемъ 5—6 строкъ. Моисей, только что выслушавъ Божіе наставленіе около Хорива, возвращается въ Египетъ, откуда бѣжалъ было, — для изведенія изъ рабства своего народа. Значитъ, совершилось великое рѣшеніе, не — въ немъ, но — о немъ и объ Израилѣ; въ хлопотахъ пути, Сепфора навремя отложила совершеніе „профилактической операціи“, нисколько не думая не производить ея вовсе. И вотъ, прислушаемся къ тонамъ какъ бы далекаго и зловѣщаго переката грома: „И случилось дорогою на ночлегѣ, что встрѣтилъ его (Моисея) Господь и хотѣлъ умертвить его. Тогда Сепфора, схвативъ каменный ножъ, обрѣзала крайнюю плоть сына своего, и, бросивши къ ногамъ его, сказала: — Ты — женихъ крови у меня. И отошелъ отъ него Господь. Тогда сказала она: — Женихъ крови по обрѣзанію“. (Исходъ, глава 4, ст. 24—26). Итакъ, одинъ не обрѣ-

занный малютка едва не произвелъ поворота въ рѣшенной уже черезъ посредство Моисея судьбѣ цѣлаго племени. Не поторопилась-бы испуганная Сепфора совершить „гигиеническую для ребенка операцію“, и былъ-бы умерщвленъ Моисей и извода-бы евреевъ изъ Египта не совершилось. Какъ явно, что Филаретъ (и неужели Филонъ?) совершенно ничего не

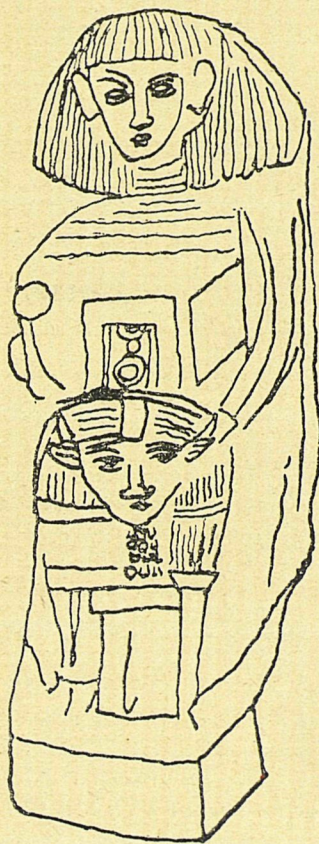

Рис. 5.

нималъ въ обрѣзаніи!!! Будемъ слѣдить о немъ другія строки. „Если же кто не обрѣжетъ край-

нюю плоть свою — истребится душа того изъ народа“, сказалъ Богъ Аврааму при заключеніи самаго завѣта. Итакъ, „завѣтъ“ — былъ; его мысль — именно въ „обрѣзаніи“. ¹ Собственно, всѣ „обѣтованія“ о „наслѣдіи земли ханаанской“, о „размноженіи какъ песокъ морской“ — лишь прилагаются къ иному и главному, сокровенному содержанію обрѣзанія. Всѣ эти обѣтованія — земная сторона, нужная и понятная Аврааму, склоняющая его къ заключенію „завѣта“ и, собственно, лишь повторяющая его же тягучія мечты. Это только награда. Но... за что? за что? Темно, не сказано, нигдѣ не сказано. Острый ножъ скользитъ по странной части тѣла малютки и обагрется кровью, изъ этой части льющейся... За чѣмъ? Кому? Вопросы, ведущіе въ ноуминальную часть обрѣзанія, о которой, какъ не касающейся до человѣка, ему

никогда не было ни одного слова сказано.

Изъ словъ Сепфоры ¹ однако замѣтно, что скользящій по этой части ножъ есть жестъ, обрядъ, процессъ полового обрученія, послѣ коего „женихъ крови“ обязанъ въ вѣрности... Кому?! Какой?! Пророки разъяснили единственнымъ и непрерывнымъ смы-

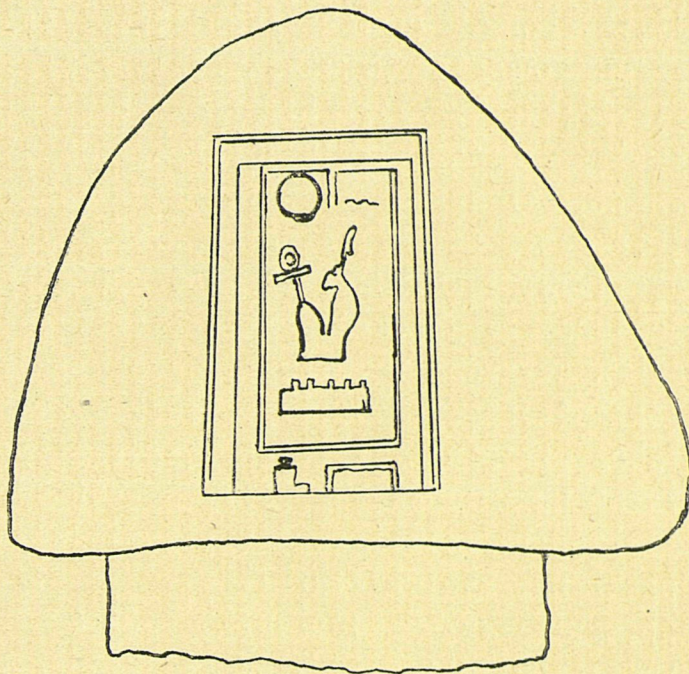

Рис. 4.

Рис. 6.

¹ Къ изрѣченіямъ Сепфоры, проливающимъ свѣтъ на тайну обрѣзанія, и къ потрясающимъ словамъ Библии, гдѣ изложены говоры Божіи, склоняющіе Авраама къ нему, я нашелъ въ изданіяхъ французской экспедиціи Бонапарта въ Египетъ два изображенія, не оставляющіе сомнѣнія въ томъ,

слово своихъ словъ: „не уклоняться къ богамъ инымъ“ въ точкѣ и черезъ точку обрѣзанія. „Обрѣзанный“ есть „обѣщанный“, — „связанный въ завѣтъ“; и по точкѣ наложенія печати мы не можемъ сомнѣваться, что раскрытіе завѣта, исполненіе обѣщанія наступаетъ въ бракѣ: отъ этого въ Египтѣ, гдѣ также было обрѣзаніе, оно совершалось сейчасъ передъ бракомъ, на 17-мъ году. Замѣчательны подробности обрѣзанія: въ немъ собственно продольно разрѣзается кольцо (т. е. перерубается), раздваивается, распаивается — одно въ два болѣе тонкія кольца; изъ нихъ одно, „край обрѣзанія“, носится человѣкомъ, носится почти отъ рожденія до могилы, какъ „память“ и „залогъ вѣрности“; а другое кольцо отбрасывается куда-то въ сторону, — испуганно кому-то выбрасывается. „И отошелъ Господь“ — какъ бы насыщенный, удовлетворенный. „Завѣтъ“ — конечно съ Богомъ; но „завѣтоисполненіе“, судя по точкѣ печати — конечно только въ бракѣ. Т. е. въ бракѣ изъ „обѣщанія“ завѣтъ переходитъ въ исполненіе, „слово“ обрученія — переходитъ въ дѣло мужа, безъ перемѣны собственно связанныхъ полу-кольцами. Отсюда — подробность: кто не можетъ быть мужемъ, тотъ вовсе не можетъ быть израильтяниномъ; „скопецъ или полу-скопецъ въ сонмѣ Господень да не входитъ“ (законъ Моисея). Такимъ

что у египтянъ обрѣзаніе было не „этнографическимъ обыкновениемъ“, а религиознымъ фактомъ значенія приблизительно еврейскаго. Прежде всего обратите вниманіе на торжественную религиозную процессію, изображенную на одномъ изъ пилоновъ (башня въ видѣ усѣченной пирамиды) при входѣ въ Карнакскій (близъ Фивъ) храмъ. Нижняя несущественная часть изображенія испорчена, но вполне сохранена верхняя. Это у египтянъ подобіе нашихъ „крестныхъ ходовъ“, — перенесеніе изъ одного мѣста въ другое „святыхъ“ ихъ. Жрецы несутъ на плечахъ такъ называемую священную барку. Носъ и корма ея имѣютъ изображенія головы главнаго божества Египта — Аммона. Въ серединѣ барки помѣщеніе, подъ балдахиномъ и со стѣнками, — какъ-бы „комнатка“ или (для барки) „каютка“. Передъ нею человѣческая фигурка съ поднятыми руками — всегдашній жестъ у египтянъ молитвы. Заглядываемъ внутрь „комнатки-каютки“. Два другъ противъ друга сидящіе англообразные существа съ крыльями, простертыми впередъ, охраняютъ въ квадратѣ, почти замкнутомъ этими крыльями, существо находящееся между ними. Каково бы это существо ни было, какъ бы ни называлось и чтобы ни выражало собою, но что это какое-то высочайшее для египтянъ существо, — центръ ихъ религіи, или вѣрнѣе одинъ изъ центровъ ихъ религіи и поклоненія, — въ этомъ никакого нѣтъ сомнѣнія. Надъ головою его — дискъ солнца, всегда у египтянъ знакъ божества или божественнаго. Вотъ это-то божество, или что-то египетски-божественное, мы находимъ на рисункѣ 4, который, принимая во вниманіе его форму, трудно не связать съ обрѣзаніемъ. Это собственно печать обрѣзанія, какъ его понимали египтяне. Изображеніе это совершенно опрокидываетъ нелѣпую и однако всеобщее распространенную теперь мысль, что это была только „гигіеническая операція“, полезная для здоровья. Ибо въ пунктахъ гигіены „образовъ не кладется“ (по нашей-бы терминологіи). У евреевъ же есть канонъ и вѣра всего еврейства, что „какъ только обрѣзаніе совершено надъ младенцемъ — на него (младенца) сходитъ Ангелъ Іеговы и не оставляетъ его до самой смерти“. Поразительный рисунокъ египтянъ есть только переводъ этой формулы. Тутъ именно что-то въ родѣ „Ангела Іеговы“ или съ нимъ однозначущее, — по величію и святости, по важности для египтянъ, — положено на ту самую часть, которая и открывається, обнажается обрѣзаніемъ. При этомъ нужно держать въ умѣ тотъ отвѣтъ, какой египетскіе жрецы дали Геродоту, когда онъ просилъ ихъ показать ему „таинства“ ихъ религіи („таинства Озириса и Изиды“): — „Это, сказали они, можетъ быть сдѣлано только для того, кто принялъ обрѣзаніе; прими его — и ты ихъ увидишь“. Т. е., что съ обрѣзаніемъ связанъ и изъ обрѣзанія истекаетъ весь ихъ религиозный культъ. Точно такъ, какъ это было, по словамъ апостола Павла, и у евреевъ („въ обрѣзаніи уже заключены всѣ другія правила еврейскаго религиознаго закона“).

ВЫПУСКАЕМЫЙ ТРУДЪ МОЙ

ИЗЪ ВОСТОЧНЫХЪ МОТИВОВЪ

будеть посвященъ разсмотрѣнію преимущественно древне-египетской цивилизаціи и будетъ заключенъ въ десяти (приблизительно) выпускахъ, каждый размѣромъ въ 4 печатныхъ листа, формата in-quarto, — съ продолжающеюся въ каждомъ выпускѣ нумераціе страницъ.

Изданіе это, результатъ многолѣтнихъ занятій, будетъ содержать нѣсколько сотъ изображеній, выражающихъ собою основныя точки зрѣнія древнихъ египтянъ и основные пункты ощущенія ими міра; причемъ изображенія эти не болѣе какъ въ числѣ десяти—двадцати повторяютъ собою рисунки, находящіеся въ самыхъ обширныхъ исторіяхъ древняго Египта, какіе имѣетъ въ рукахъ своихъ западно-европейскій читатель. Остальныя-же всѣ изображенія, — т. е. почти полная ихъ масса нѣсколькихъ сотъ, — воспроизведутъ **въ той самой величинѣ** снимки египетской цивилизаціи, какъ они были даны въ трудахъ египетскихъ экспедицій, начиная съ трудовъ въ двѣнадцать фоліантахъ французской экспедиціи ученыхъ, сопровождавшихъ армію Бонапарта въ Египетъ, и до Каталога египетскихъ древностей, изданныхъ попеченіемъ нынѣшняго Хедива Египетскаго Аббаса II. Въ нѣкоторыхъ-же, — немногихъ, — центрально-важныхъ пунктахъ мною будетъ дано фотографическое увеличеніе даже противъ трудовъ этихъ ученыхъ экспедицій. И въ этихъ увеличеніяхъ они будутъ даны абсолютно впервые для Европы. Такъ какъ труды ученыхъ экспедицій совершенно невѣдомы не только русскому читателю, но и нѣмецкимъ, англійскимъ и французскимъ читателямъ, составляя достояніе исключительно императорскихъ и королевскихъ библиотекъ, при томъ по ихъ роскоши и дороговизнѣ не выдаваемое читателямъ, — то въ настоящемъ моемъ изданіи Египетъ будетъ увиденъ читателями не только русскими, но и европейскими впервые. А почти полное отсутствіе самыхъ жизненно-важныхъ для египетской цивилизаціи изображеній въ исторіяхъ Египта, указываетъ, что на эти столпы Египта и не было обращено никогда вниманія; а по сему и самая исторія эта была описана лишь поверхностно, въ тѣхъ ея чертахъ, какіе схожи съ чертами вообще всѣхъ народовъ (войны, договоры, торговля, промыслы), а не въ собственныхъ оригинальныхъ египетскихъ чертахъ и особенностяхъ. Почему я и думаю, что читатель будетъ хотя сколько нибудь приближенъ къ истинному пониманію древняго Египта впервые этимъ трудомъ.

Подписная цѣна на все изданіе, состоящее изъ **десяти выпусковъ, 30 рублей.** Изданіе предполагается закончить въ теченіе двухъ лѣтъ, печатая въ два мѣсяца по одному выпуску.

При подпискѣ и полученіи 1-го выпуска вносится **шесть рублей.** При полученіи cadaго изъ слѣдующихъ выпусковъ уплачивается по **три рубля.** Послѣдній 10-й выпускъ выдается бесплатно. За пересылку взимается особо ея дѣйствительная стоимость.

Подписка принимается исключительно въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Петроградъ, Невскій, домъ 40.

В. Розановъ.

